

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко

Континуальность традиции: базовые перспективы анализа стратификационных порядков

Abstract

The basic prospects and specificity of stratification analysis are considered in the article. Essence is exposed and the review of fundamental class and non-class (gradations) stratification orders are carried out. Possibilities of study of stratification orders: objectivism & subjectivism; structure & activity; constructed communities & real groups; positions & dispositions; constant & "unset" factors of stratification are analysed, as well as perspective of application of multidimensional analysis of inequalities in the context of conceptual triad of "positions–disposition–practices (activity)".

В социологии, которую ее классики создавали как науку об обществе, отсутствует универсальное, общезначимое определение того, что есть общество. Вместе с тем присущая ей с самого момента возникновения мультипарадигмальность довольно жестко требует соотнесения многих существенных признаков мира сосуществования и взаимодействия индивидов и социальных общностей, ни один из которых не претендует на статус доминирующего или наиболее точного. При структурном подходе общество обычно рассматривают как гетерогенное образование (то есть имеющее множество составляющих) с явными и латентными связями между его элементами. При этом под элементами понимают институты, организации, социальные позиции, социальные группы и категории (классы, слои и т.п.), а стратификация и дифференциация полагаются в качестве тех тотальных процессов, которые воспроизводят такую гетерогенность.

Иными словами, элементы, как бы следуя "программе" с определенными степенями свободы, в соответствии с динамическими тенденциями социума, перманентно упорядочиваются и организуются вертикально, формируя определенное количество стратификационных порядков (порядков неравенства), а также горизонтально, когда элементы разнятся, однако расположены

на одном “уровне”, кристаллизуясь в виде дифференциальных порядков (порядков различий). Поскольку общество представляет собой одновременно и процесс, и результат, то, во-первых, в нем существуют и действуют правила и нормы, по которым индивидам в ходе их включения в общество более или менее жестко приписываются неравенства, то есть действует некий алгоритм аскрипции неравенств, а индивиды своими намерениями и практиками модифицируют этот алгоритм или подчиняются его императивам. Во-вторых, конечным результатом процессуальности является социальная структура в широком понимании этого слова, своеобразный морфологический осадок, условие и контекст индивидуальной и групповой деятельности, не подлежащие элиминации или концептуальному опровержению — то, что целесообразно также называть социальным порядком.

По мнению С.Макеева, социальный порядок в целом определяется прежде всего совокупностью разделений, которые организованы как горизонтально (социальная дифференциация), так и вертикально (социальная стратификация). В историческом, а также в аналитическом видении тремя важнейшими разновидностями этих разделений являются социально-групповые (классы, слои), неиерархизированные социальные различия, а также структура неравенств в виде некоторой совокупности подлежащих асимметричному распределению благ. При этом социальные различия и классы могут быть рядоположенными, но неравенства обязательно иерархичны, а потому являются структурами, управляющими поведением отдельных людей и сообществ посредством культивирования притязаний, мотиваций и целей индивидуальной или групповой деятельности. Образ социального порядка репрезентируется классовой структурой общества и структурой социокультурных (“горизонтальных”) различий, а также структурой неравенства (иерархией) доступа к благам. Порядок первоначально выступает в своей описательной функции и представляет компактное, достижимое и потому удобное в научном обиходе строение мира людей [1, с. 84].

Итак, *стратификационный порядок* — это всегда иерархичный порядок, классифицирующий индивидов по ранговому принципу, то есть определяющий на основе некоторого множества критериев неравенства, кто из агентов (индивид, группа, слой) занимает более высокое, а кто — более низкое положение на социальной лестнице общества. Вообще положение сообществ в социальной структуре формируется на основании всей совокупности стратификационных порядков, которые методологически и методически обосновываются исследователем в рамках той или иной теоретической парадигмы или подхода.

Скажем, П.Блау выделяет структурные параметры, имеющие две основных формы: номинальную, в пределах которой популяция разделяется на отдельные подгруппы (например, по полу, расе, этничности, вероисповеданию, языку, месту жительства, сфере деятельности, политической ориентации), и ранговую, устанавливающую вертикальное измерение, приписывая индивидам или общностям определенный статус (например, по возрасту, доходам, достатку, образованию, престижу, власти, социальному происхождению, административной должности и интеллекту) [2]. В совокупности эти параметры образуют две важнейшие характеристики социальной структуры — гетерогенность и неравенство.

Гетерогенность (ее еще называют горизонтальной дифференциацией), будучи базовой характеристикой социальной структуры, акцентирует мно-

гообразии, разнородность, богатство оттенков общества и непосредственно не предполагает разделения его по принципу “выше” или “ниже”. Употребляя понятие “гетерогенность”, обычно указывают тот номинальный показатель, по которому проводится такое разделение (например, мы можем говорить об этнической или религиозной гетерогенности). И хотя номинальные параметры не описывают статусных различий или разделений индивидов в группе по рангам, многим из них имплицитно свойственно вертикальное измерение. Так, очевидна связь между разделением по полу и доходу (всем известен тот факт, что в большинстве современных обществ мужчины получают вознаграждение за труд в среднем большее, чем женщины); иногда принадлежность к конкретной партии определяет также объем власти; профессии обладают разным престижем; житель столицы оценивает свое социальное положение выше, чем житель провинции, и т. п.

Разумеется, наблюдение за иерархичными образованиями имеет в социологии относительно долгую историю и довольно богатый фонд теоретико-методологических и методических разработок. Исходя из этого, целью данной статьи является обзор основных разновидностей стратификационных порядков, а также попытка очертить концептуально обоснованные конъюнкции в их изучении.

Классовый стратификационный порядок

Класс — одно из ключевых социологических понятий. Считается, что корректное употребление понятия класса требует его экспликации в контексте сознательно принятых исследователем или не критически заимствованных теоретических допущений. Э. Райт довольно точно сравнил эту категорию с “хамелеоном, меняющим окраску фактически в каждой социологической традиции” [3, с. 3]. Общеизвестно, что представлением о классе мы обязаны, прежде всего, трудам К. Маркса и М. Вебера, где заложены базовые принципы возможного дискурса по поводу такого порядка неравенства.

Тенденция редуцировать социальную структуру сугубо к классовой структуре, классовому стратификационному порядку выразительнее всего представлена, разумеется, в марксизме. Именно в марксистской социологии ортодоксального толка второй половины прошлого века постоянно подчеркивалось, что ценности, культурные традиции, социальные институты и организации не являются составляющими социальной структуры. Последняя связана только с местом индивидов в системе производства. При этом содержание и конфигурация классового стратификационного порядка, то есть какие отношения и между какими именно классами определяют динамику социальной интеграции/дизинтеграции и общественных изменений, — вот что является главным объясняющим фактором [4, с. 41]. Вертикальное измерение задают обладание или не обладание собственностью: тот, кто имеет ее в своем распоряжении, является “высшим”, или сильнейшим; именно собственник устанавливает асимметричные отношения с помощью нефизических средств принуждения, которые К. Маркс и называл “эксплуатацией” (его концепция классовообразования глубоко проинтерпретирована и схематично представлена в монографии О. Куценко “Общество неравных” [5, с. 43–48]).

Для К. Маркса “класс” не столько концептуальное средство описания экономических позиций разных социальных групп, сколько реально существующие совокупности индивидов, которые воплощают оппозиционные общест-

венные отношения, а присущие им возможности и ресурсы используют для радикальных трансформаций классового стратификационного порядка. Конечно, он не отрицает наличия множества промежуточных слоев, возникающих в результате разделения общественного труда, однако считает их крайне неустойчивыми, побочными и случайными следствиями общего исторического процесса, судьба которых — распадаться и исчезать. Они, очевидно, представляют собой невинные жертвы конкуренции основных классов за общественное доминирование, однако для современного исследователя ссылка на существующие неустойчивые элементы сохраняет свою значимость.

В недооценке роли и значения промежуточных, и в этом смысле “средних” слоев в социальной структуре столь часто упрекали Марксову концепцию, что это уже давно воспринимается некритически. Вместе с тем для марксизма подобные упреки просто алогичны: классы конкурируют за власть, то есть за контроль над государством как институтом господства и средством поддержания порядков неравенств. Однако буржуазия — третье сословие, или “средний класс” — уже имеет власть в обществе, которое наблюдает и анализирует К.Маркс, а вероятность появления нового среднего класса, который бы претендовал на власть, близка к нулевой или даже равна нулю. Утверждения относительно власти “класса знания, класса профессионалов”, распространявшиеся сторонниками технократического взгляда на развитие общества еще во второй половине прошлого века, сегодня уже воспринимаются как попытка тщетного социологического внушения: в истории реализуется какой-то иной сценарий, явно не марксистский, но и не чисто либеральный.

В работах “Немецкая идеология”, “Нищета философии” К.Маркс дополнительно обосновывает важную характеристику класса, от которой существенно зависит онтологический статус этой большой группы индивидов как источника и силы трансформации общества. Позиция в системе производства и условия жизни, обусловленные ею, являются необходимыми, однако недостаточными основаниями целевого действия. Нужно еще и культурно-идеологическое дополнение в виде “классового сознания” — систематического представления о собственной идентичности, своем месте в социуме и социальном назначении. К.Маркс отмечает, что как пролетариат, так и буржуазия всего лишь постепенно превращаются из класса “в себе” в класс “для себя” в течение относительно длительного времени, которое условно можно назвать “периодом классового метаморфоза”. Именно класс “для себя”, который благодаря посредничеству “идеологов” продуцирует соответствующее своей позиции мировоззрение, способен и готов переконструировать стратификационные порядки.

Будет ошибочно утверждать, будто разговоры о “в себе” и “для себя” — явный анахронизм и представляют интерес исключительно для историка социологии. На самом деле имеется больше оснований говорить о континуальности этой когнитивной традиции. В немецкой общественно-философской мысли она четко прослеживается от Кантовых вещей “в себе” и “для себя” через Марксовы дефиниции классов к идеям Г.Зиммеля, изложенным в раннем труде (фактически на полпути от философии к собственной социологической концепции и все еще под ощутимым влиянием Г.Спенсера) “Социальная дифференциация” [6], где он неоднократно говорит об обязательном присутствии в поле социологии объектов, которые что-то значат в себе и для себя (философия Канта была темой его докторской диссертации). Возможно, эта традиция воспроизводится и позже, однако выяснение

этого выходит за рамки задач изучения стратификационных порядков. Для нас гораздо важнее то, что объект “в себе” представляет собой инертное тело, которое можно изучать на предмет присущих ему свойств, за которым можно наблюдать, которому можно, наконец, сочувствовать или пытаться его защитить. Однако объект “для себя” по определению является объектом активным, действующим — тем, что на современном языке социологии называется актором или агентом, и именно такой объект, как по Г.Зиммелю, так и согласно теоретикам и практикам наших дней, должен находиться в фокусе социологии. То есть налицо континуальность — неявная, однако неоспоримая.

Итак, устойчиво дискриминированная социальная позиция, механизмы аскрипции неравенств, работающие без заметных сбоев, к тому же не способные к самоперенастройке — вот что придает энергетику коллективному действию, революционизирующему общество, обуславливает прогрессивную поступательность исторического движения. Существенно и то, что постоянство алгоритмов приписывания неравенств обеспечивается социальными институтами, в частности государством, инвективы в адрес которого органичны для марксизма, а в более радикальной форме выдвигались и анархистами. И не случайно Ф.Энгельс в начале 50-х годов XIX века относит концепцию истории как следствия борьбы классов и перманентных метаморфоз классовых порядков к важнейшим вкладам своего соратника и друга в обществоведение. Учитывая это, возможно, тезис о фрагментарности и неупорядоченности классовой теории К.Маркса подлежит ревизии, а якобы убедительные ссылки на незаконченную главу “Капитала” прикрывают элементарное уклонение от приложения дополнительных исследовательских усилий.

В фокус научного внимания М.Вебера классы тоже никогда полностью не попадали. Относительно полную реконструкцию его взглядов, их совпадений и отличий от Марксовых можно найти в уже упоминавшейся работе О.Куценко [5, с. 52–56]. Однако в ракурсе нашего исследования важно то, что для К.Маркса, у которого даже в поздних трудах легко распознать установки и предвзятость убежденного младогегельянца, форма мысли определяется формой бытия как первичной, безусловно предшествующей инстанцией, а в предельном случае, в конечном счете, они совпадают. Классы как морфологемы, классовые порядки как результаты работы механизма приписывания неравенств первичны, а классовые теории и концепции — это их ментальные образы, пусть и не буквальные, но отражения — марксистская эпистемология как раз и основывалась на теории отражения.

Онтологизм коллективных сущностей был неприемлем для М.Вебера. Именно с его методологическим индивидуализмом прежде всего знакомят студентов-социологов: действуют не коллективы, а лишь отдельные индивиды. Конечно, они часто оказываются в схожих ситуациях (в нашем случае — “классовых ситуациях”), однако классы и классовые стратификационные порядки не могут быть ничем иным, как аналитическими категориями, которым не соответствует ни одна онтологическая сущность. “Бытие” класса, если о таковом и можно говорить, сугубо ментально и эвристично — следы этой традиции и исследовательской позиции легко обнаружить и в современных методологических и понятийных построениях.

Кроме того, М.Вебер настаивал, что не государство, а рынок является тем социальным институтом, который обуславливает аскрипцию неравенств, а институциональное регулирование такого приписывания оказывается весьма сложным. В первом приближении, схематично, его можно представить

так. Структурной основой классовой ситуации является распределение между позициями наиболее дефицитных цивилизационных ресурсов — власти, собственности, богатства в виде материальных и символических (престиж) вознаграждений [7, с. 87–88]. То есть неравенство, точнее порядок неравенств как порядок разнообразных, неодинаковых по объемам и качеству жизненных шансов и возможностей он вводит для наблюдения и описания общества в качестве конститутивного элемента самого этого общества — того, к чему индивиды должны приспосабливаться и что они не в состоянии изменить.

В конкуренцию за шансы и возможности (поскольку рынок — это пространство конкуренции) индивиды не вступают вооруженными. Их ресурсами, определяющими конкурентоспособность, являются общее образование, профессиональное образование и опыт (в сумме — квалификация). Смена позиции, преодоление тягостного или крайне непривлекательного и унижительного неравенства возможно, но не посредством преобразования действительности, а в целенаправленной деятельности по самосовершенствованию на принципах требовательности к себе и ответственности за себя. Индивидуальное преодоление неравенства — таков императив рынка, институциональная основа воспроизводства стратификационного порядка.

Дуальный, по К.Марксу, классовый порядок, который в виде тенденции прокладывает себе путь через перипетии метаморфоз классов и предопределенную эволюцию промежуточных социальных категорий, неприемлем для М.Вебера как социолога. Как объяснительный принцип он эвристически пуст, ведь трудно представить, как все разнообразие проявлений общественных различий может быть сведено к нему или же из него выводиться. Для Вебера-историка он неприемлем и в качестве принципа описания: дуальный порядок слишком упрощает мир людей, дает его плоскую, лишенную оттенков и глубины картину.

Таким образом, рамки разговора о классовых стратификационных порядках задаются дуальными Марксовыми и множественными Веберовыми порядками. Вместе с тем позитивный характер социологии как науки, провозглашенный еще О.Контом, требует дистанцирования от идеологии марксистского толка. К этому склоняет и требование М.Вебера о “свободе от ценностей” в научном исследовании — требование говорить о предмете, а не оценивать его. То есть в результате двойной дискредитации понятия “класс” в рамках социологии активнее и продуктивнее разрабатывались концептуальные и операциональные представления о градационных стратификационных порядках.

Неклассовые стратификационные порядки

Множество признаков, по которым социолог может конструировать “социальную структуру” того или иного уровня сложности (сложность здесь — производная от количества элементов структуры), не бесконечно, а признаков, которые бы сразу формировали стратификационные порядки, — еще меньше. Не утрачивают актуальности взгляды М.Вебера по этому поводу. В работе “Основные понятия стратификации” он утверждает, что общественная система состоит как минимум из трех стратификационных порядков, в каждом из которых неравномерно распределяются наиболее дефицитные ресурсы: экономический порядок, или распределение доходов и богатства; политический порядок, или распределение власти; социальный порядок, или распределе-

ние авторитета, уважения, престижа. То есть “три автономными измерениями стратификации” [8, с. 148], или стратификационными порядками, согласно Веберу, являются собственность, власть и престиж как три отдельных фактора, образующих в своем взаимодействии основания иерархий в любом обществе.

Первенство в систематическом применении стратификационного подхода в эмпирических исследованиях небезосновательно отдают П.Сорокину. Для него социальная стратификация — это иерархически организованная совокупность объединений людей, эмпирически проявляющаяся в трех главных формах — экономической, политической и профессиональной. Если экономический статус членов общества неодинаков, если среди них есть как собственники, так и несобственники, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения, экономического стратификационного порядка. Если в пределах какой-либо совокупности индивидов существуют иерархии авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют руководители и руководимые, тогда, независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники), это означает, что такая совокупность политически стратифицирована, что сформировался и воспроизводится политический стратификационный порядок. Если члены какого-либо общества разделены на разные категории по роду их деятельности, занятий, а некоторые профессии при этом считаются более престижными по сравнению с другими, если члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей различного ранга и подчиненных, то существует профессиональный стратификационный порядок.

Согласно П.Сорокину, любая организованная социальная группа всегда социальна стратифицирована. Не существовало и не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы “плоской” и в которой бы все ее члены были равными [9, с. 302–307]. Он, похоже, не использовал термин “социальный класс” в его широком смысле, а предпочитал говорить об экономических, политических и профессиональных статусах, стратах и классах, то есть считал эти объединения индивидов элементами градационных порядков. Из возможных дефиниций социального класса использовал следующую: сообщество людей, занимающих близкие позиции в отношении экономических, политических и профессиональных статусов.

Как известно, элементы стратификационного подхода содержатся в работах М.Вебера, прежде всего в концепции статусных групп (точнее — страт, поскольку статусы по определению иерархизированные образования). По Веберу, социальная “страта” — это органичное или искусственное образование внутри большой группы, объединение индивидов, которому присущ одинаковый по виду и уровню престиж, приобретенный благодаря их позиции, а также возможности достижения особого рода монополии на него. Существует несколько важнейших источников иерархизации страт: а) развитие специфического стиля жизни на основе типа занятости, профессии, достигнутого статуса и получаемого дохода; б) наследуемые или самостоятельно обретаемые харизма, авторитет и репутация; в) присвоение и монополизация политической или иной власти, которую признают жизненно и общественно важной разные группы и категории [7, с. 104–105].

Таким образом, под статусной группой Вебер понимал совокупность индивидуальных субъектов, которые поодиночке, но координируя свои действия, успешно состязаются за публичное уважение, честь и славу, име-

ют привилегированный доступ к ограниченным ресурсам и присваивают сопутствующие им культурные, моральные и символические атрибуты. Вебер различал сообщества на основаниях классовой ситуации (экономические “классы”) и статусные сообщества в силу их внутренней солидарности и воинственности. В отличие от первых, статусным группам как реально функционирующим структурным элементам присущ общинный характер, предполагающий воспроизводство типичного стиля жизни и культурного наследия. Экономические классы, напротив, являются просто агрегатами индивидов, связанными с анонимными обменными и другими экономическими процессами [10]. Статусные сообщества организованы в виде общин для защиты и укрепления своих социальных привилегий и прав, а со временем в них начинает доминировать тенденция к “закрытости”; так, например, эволюционировали цеховые корпорации Средневековья.

Наиболее интенсивно концептуальное развитие представлений о неклассовых стратификационных порядках происходило в рамках структурного функционализма, а относительно законченный вид получило в концепции К.Дэвиса и У.Мура, впервые опубликованной в 1945 году в статье “Некоторые принципы социальной стратификации”. Казалось бы, они поставили сверхсложную задачу: обосновать необходимость и неизбежность стратификации, трактуя ее как неравномерное распределение материальных благ и общественного престижа. Это неравномерное распределение определяется функциональной важностью (значимостью) позиции. При этом важность позиции они толкуют двояко: в индивидуальной или групповой перспективе позиция важна потому, что люди признают ее таковой; в надындивидуальной перспективе позиции разделены по принципу важности для выживания и функционирования общества в целом и независимо от того, что думают по этому поводу люди.

К.Дэвис и У.Мур попытались непредвзято, беспристрастно, обходя оценочные и морализаторские аргументы, объяснить сам феномен социальной стратификации. Главная функциональная необходимость, обуславливающая универсальное существование стратификации, связана с тем, что любое общество сталкивается с неизбежной проблемой размещения индивидов и стимулирования их внутри своей социальной структуры. Как функционирующий организм, общество вынуждено должным образом распределять своих членов по разным социальным позициям и побуждать выполнять связанные с этим обязанности.

Тезисы Дэвиса и Мура сегодня уже не являются дискуссионными и имеют скорее историко-социологическую значимость:

- некоторые позиции в обществе функционально важнее других;
- лишь небольшое количество людей в любом обществе имеют качества, позволяющие выполнять эти более ответственные функции;
- общество открывает доступ к дефицитным и необходимым благам, чтобы побуждать одаренных людей нести нелегкие нагрузки, овладевать знаниями и навыками;
- этот неравный доступ к благам и дефицитным ресурсам (например, к уникальным способам поддержки здоровья) ведет к тому, что разные страты имеют неодинаковый престиж и уважение;
- престиж и уважение, права и преимущества создают институционализированное неравенство, то есть стратификацию;

- отсюда социальное неравенство между стратами по этим признакам является позитивно функциональным и неминуемым в любом обществе [4, с. 93–96].

Итак, в рамках функционального подхода предложено считать базовым *стратификационный порядок позиций*, где в сами позиции вмонтированы разные по качеству и объему материальные и символические вознаграждения. Безличное, индивидуально персонифицированное неравенство служит источником активизации подвижности индивидов в стратификационном порядке путем формирования соответствующих установок, мотивов, стремлений. Поддерживая и воспроизводя неравенство, общество создает институционализированный фактор собственной динамики и развития, который, к тому же, выходит за рамки оценок на предмет справедливости или несправедливости.

Между тем каждый ранговый показатель способен стать основанием статусной иерархии, а их совокупность формирует общий статус индивида или группы. Так, Г.Ленски рассматривал ранговые порядки для каждого члена социальной группы или общества в виде множества параллельных плоскостей, каждая из которых показывает смену определенного статуса индивида во времени. Со временем его статус может повышаться или снижаться. При этом индивид или общность обладают, как правило, различными статусами одновременно в пределах разных ранговых порядков (доход, возраст, должность, происхождение, власть, образование, престиж и т.п.). Например, можно иметь высокий статус по происхождению, но быть бедным. В другом случае индивид может быть богатым, но не иметь высокого должностного статуса. Однако материалы многих исследований западных обществ позволяют утверждать, что статусы индивида по основным ранговым показателям с течением времени согласуются, становятся консистентными.

Совокупный статус образует своеобразную ломанную линию, которую называют *статусным (стратификационным) профилем*. Если один из статусов по определенному ранговому показателю существенно отличается от других, с большой вероятностью можно утверждать, что в данный момент индивид является маргиналом по отношению к группе с близкими к его собственному статусными профилями. Индивиды с близкими статусными профилями образуют социальные *страты*, характеризующиеся определенной субкультурой, более частыми контактами между ее членами, аналогичным стилем жизни, способом потребления, социальными практиками и более или менее выраженной дистанцией, отделяющей одну страту от другой. Согласно определению польского социолога П.Штомпки, “социальные страты (слои) — социальные категории и группы связаны реальными *объективными и субъективными* связями, различающимися между собой групповыми шансами получения общественно значимых благ (богатства, власти, престижа, образования, здоровья и т. п.), а также уровнем и образом жизни, типичной идеологией и обычаями” [11, с. 371].

Со второй половины XX века все большую популярность приобретают попытки определять и описывать страты не на основании “позиционных” признаков (признаков места, которое индивид занимает в определенных структурах), а исходя из их практик, в первую очередь, практики потребления (Дж.Дьюсенбери, М.Дуглас, К.Кемпбел). Слой проявляет себя через систему потребительских знаков и символов, а принадлежность к нему определяется объемом и качеством благ и услуг, которые потребляются или

которыми пользуются, то есть страта состоит из индивидов с подобными, схожими практиками. Понятно, что потребление является проявлением материально-финансового статуса, но не обязательно личного статуса индивида. Скажем, потребление молодых людей чаще всего обусловлено материально-финансовым статусом семьи.

Соотношению концептов “класс” и “социальная страта”, попытке их содержательно различить, противопоставить, субординировать посвящены многочисленные интерпретации в научных публикациях и учебных пособиях [12, с. 35; 4, с. 42–44; 13, с. 15–16; 14, с. 290]. Самое существенное то, что выбор одного из них в качестве исходного, первичного изначально определяет направление анализа. Говоря “класс”, исследователь изучает сформированную и поддерживаемую воздействием наиболее общих факторов макроструктуру общества, динамика которой в решающей мере зависит от соотношения классов и их отношений. Разговор о страте, напротив, нацеливает на изучение градационных стратификационных порядков, которые будут задаваться каким-то одним признаком или их совокупностью (доход, уровень образования, престиж профессии, практики потребления и т. п.).

Основные конъюнкции в изучении стратификационных порядков

В социологии — и это складывалось постепенно — существует несколько основных скорее конъюнкций, нежели дилемм, в рамках которых осуществлялся анализ стратификационных порядков. Каждая из них фактически требовала от исследователя с самого начала заявить о концептуальных предпосылках, задать преобладающий методологический контекст, указать терминологическую систему отсчета. Приведу их перечень и краткую характеристику.

Объективизм & субъективизм. Социология, по интенциям ее основоположников и классиков, изучает факты как “вещи”, то есть то, что существует за пределами индивидуального сознания, представлений, оценок и независимо от них. Благодаря такому онтологическому статусу их все еще называют “объективными”, хотя в рамках нашей дисциплины значение и смысл такой характеристики далеко не очевидны. Однако требование, согласно которому факторы стратификации квалифицируются как объективные, в действительности оказывается требованием быть “научным” в сугубо позитивистском смысле и потому императивно по природе. Обладание или не обладание собственностью, приобретенный уровень образования, его соответствие квалификационным признакам профессии или собственной позиции, уровень получаемого дохода, наличие подчиненных, степень свободы в выполнении профессиональных обязанностей — такие признаки можно наблюдать и неоднозначно описать, использовать в операциональных схемах, например, в классовом анализе в его неомарксистских (Э.Райт) или немарксистских версиях (Дж.Голдторп и др.). Впрочем, только для ригористического позитивиста обвинение в “субъективизме” звучит безапелляционно и убедительно, а услышать его в сегодняшних дебатах почти невозможно.

Еще Т.Парсонс выделял три подхода к изучению социальной стратификации:

- “самооценочный”, или метод “классовой идентификации”, когда социолог предоставляет право респонденту отнести самого себя к определенной вообразяемой шкале классового состава населения;

- метод “оценки репутации”, при котором опрашиваемым предлагают выступить в качества экспертов, то есть оценить социальное положение друг друга или известных им социальных групп;
- “объективный подход”, когда исследователь оперирует определенным объективным критерием социальной дифференциации; этот подход нередко базируется на социально-классовой шкале, связанной с понятием социально-экономического статуса, который определяется тремя переменными — престижем профессии, уровнем образования и доходом [4, с. 93].

Согласно такой неформализованной конвенции, принято говорить об объективных и субъективных стратификационных порядках. Объективные — это преимущественно метрические или порядковые шкалы, измеряющие позиции индивида в различных срезах стратификационной системы. Для экономической стратификации, например, это может быть шкала с суммами дохода за месяц или год, для властной — с должностными рангами, для образовательной — с количеством лет обучения и т. п. Если для определенного индивида (группы) выстроить в один ряд все объективные шкалы с отмеченным на них местом, которое он занимает, а потом соединить все отметки, то получим его стратификационный профиль [15, с. 134]. Субъективные стратификационные порядки — это самоидентификация индивидов с конкретными социальными группами, определение ими своего места в общественной иерархии, их оценка престижа существующих групп, оценка важности или престижа ролей, социального самочувствия и т. п. [16, с. 22].

Сугубо субъективистский подход не слишком распространен в социологии и имеет своим результатом континуумную стратификационную иерархию без очевидных границ между стратами (объединениями профессий или занятий), а наиболее известной из соответствующих шкал является шкала престижа профессий Д.Треймана. Однако сочетание, дополнение объективных характеристик оценочными социологи практиковали уже в первой трети прошлого века. Так, Л.Уорнер для изучения и описания классовой структуры американского общества в 30–40-х годах XX века разработал стандартный индекс статусных характеристик, в котором учитывал уровень образования, место жительства, личный доход и социальное происхождение. В совокупности эти характеристики должны были показать, какой престиж имеют семьи из разных социальных классов. По результатам своих исследований Уорнер выявил шесть классов (статусных групп) в американском обществе: высший-высший класс, низший-высший класс, высший-средний класс, низший-средний класс, высший-низший класс, низший-низший класс [17].

В начале 1960-х годов П.Блау и О.Данкен в книге “Американская профессиональная структура” предложили использовать в анализе стратификационного порядка и мобильности индивидов социально-экономический индекс, включающий два объективных показателя (уровень дохода и уровень образования), а также субъективный — престиж профессии (SEI); 100 первично выделенных позиций сводились затем к 19, между которыми и фиксировалась межпоколенческая мобильность. Впрочем, подобная попытка конъюнкции, опиравшейся на хорошо разработанный математический аппарат логлинейного анализа, не нашла активных сторонников и последователей.

В трансформирующемся обществе, каковым является и украинское, традиционные критерии социальной стратификации утрачивают свою силу и убедительность, и потому происходит верификация разнообразных стра-

тификационных шкал или их комбинаций. Казалось бы, устойчивые и испытанные независимые критерии (доход, уровень образования) не дают адекватной картины стратификации в переходном обществе, где, скажем, значительная часть источников индивидуальных доходов относится к так называемой “неофициальной, или серой” экономике [18]. В такой ситуации критериями, которые их могут дополнить и даже заменить, выступают самооценка социального и материального положения. Там, где исследователь перестает доверять “объективным” показателям, он начинает отдавать предпочтение стратификационной самоидентификации индивидов. Таким образом, наблюдения, проводившиеся в Украине С.Макеевым [19], Е.Головахой [20], С.Оксамитной и С.Бродским [21] и Е.Симончук [22], преимущественно были направлены на определение классовых идентичностей.

Структура & деятельность. Чаще всего социальную структуру представляют как первичную конструкцию, репрезентирующую морфологические особенности конкретного общества. Особенности же вытекают из качества элементов, в совокупности образующих структуру, а также из способов зависимостей и взаимосвязей между ними. Под знаком структурализма функционировали и эволюционировали в XX веке лингвистика (Ф.Соссюр), философия (М.Фуко), литературоведение (В.Пропп), этнография (К.Леви-Строс), семиотика (У.Эко). Основателями структурного подхода в социологии справедливо считаются К.Маркс и Э.Дюргейм, а его расцвет совпал с доминированием в академической социологии США структурного функционализма в версиях Т.Парсонса и Р.Мертона.

Быть структуралистом означает, во-первых, воспринимать структуру как завершённый результат, сознательно обходя научным вниманием весь тот процесс, который привел к ее формированию. Иначе говоря, структурное исследование в ортодоксальном виде принципиально асинхронно, абстрагируется от проблем времени и, разумеется, от проблем возникновение, становления, развития вообще. Во-вторых, структура, существующая независимо от индивидов и их объединений, также находится за пределами индивидуальных или групповых влияний, недостижима для них. В-третьих, поведение людей и общностей, мнения, установки в основных чертах диктуются именно структурой, вытекают из нее, могут быть редуцированы к ней. В таком понимании структурное объяснение — это редукция того, что наблюдает социолог, к характеристикам позиций (или “мест”), которые занимают индивиды в данный конкретный момент. Оно не претендует на универсализм, однако установление ограничений на объяснение остается задачей преимущественно эмпирической.

Деятельностный подход (акционализм) связан с концептуальными взглядами на действие М.Вебера и, особенно, с развернутыми в теорию синтеза и суждениями Т.Парсонса относительно социального действия. Поскольку действующий индивид выступает здесь стартовой точкой, то уже нет нужды рассматривать структуру исключительно как результат, она воспроизводится индивидуальными и групповыми действиями, а соответствующие практики являются насколько производными от структур, настолько и тем, что активно влияет на стратификационные процессы и активизирует динамику социальных структур. Во второй половине XX века предпринимался ряд плодотворных в теоретико-методологическом плане попыток преодолеть противопоставление структур и действия в рамках направлений, существовавших под разными названиями: “деятельностно-активист-

ское”, “деятельностно-структурное”, “конструктивистско-структуралистское” [23, с. 42–43]; здесь следует вспомнить такие разные теории общества, как теория структуризации Э.Гидденса, теория самовоспроизводящегося общества А.Турена и его призывы вернуть в фокус теоретического внимания “действующего человека”, теория активного общества А.Этциони и теория социального становления П.Штомпки.

В этой перспективе общество трактуется как процесс воспроизводства, содержанием которого является взаимодействие социальных акторов в контексте имеющихся структур, причем как сами акторы, так и условия их контактов и выборов изменяются в ходе таких взаимодействий. Общество, отмечает О.Куценко, нельзя считать константой, некоей предзаданной и неизменной фактичностью; оно есть феномен принципиально незавершенный, постоянно изменяющийся, если и не в основаниях, то в важных деталях. Источником изменений служит не жестко алгоритмизированный порядок рациональных и случайных человеческих выборов и предпочтений, хотя императивы традиций, стереотипов, правил, норм и имеющихся ресурсов весьма ощутимы [24, с. 49–52]. Структура, согласно концепции “двойственности” Э.Гидденса, — и результат, и процесс; она ограничивает действие, навязывая правила; она открывает возможности уже самим тем фактом, что предоставляет ресурсы индивидуального и коллективного действия.

Вместе с тем за пределами собственно теории социального действия для характеристики активности индивидов или групп применяется термин “практики”. При этом под “социальными практиками” понимают устойчивые образцы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения различных социальных субъектов (индивидов, организаций, групп). Так, по мнению Т.Заславской, социальные практики — это конкретные формы функционирования социальных институтов. Однако общей формой реализации каждого института служит не что иное, как совокупность социальных практик в определенной сфере [25, с. 507]. Практики, которые в итоге материализуются в иерархические порядки, будем называть *статусоформирующими практиками*. Это может быть, к примеру, схожий образ жизни, вкусы и предпочтения, обычаи и традиции, участие в религиозных обрядах, идеологические взгляды и т. п.

Следовательно, статусоформирующие практики — система взаимосвязанных поступков и действий, осуществляемых социальными субъектами в пространстве неравенств общества с целью закрепления социального положения или повышения социального статуса. Такие практики выстраиваются индивидами на основании жизненных представлений, целей и притязаний, собственных потребностей и ресурсов их достижения, а также на основе жизненных стратегий, которые можно рассматривать как определенную направленность поведения, обусловленную различными обстоятельствами и условиями индивидуального и группового существования.

Сконструированные сообщества & реальные группы. Социология оперирует совокупностью терминов и понятий, часть из которых имеет очевидные эмпирические референты, поэтому можно утверждать, что определенный феномен действительно существует, а какому-то нельзя привести в соответствие доступные для восприятия образования. Скажем, организации существуют во всей своей материальности: здание, распределение властных полномочий и профессиональных обязанностей, регламент деятельности, система санкций и вознаграждений для сотрудников и т. п. Однако семья

как социальный институт не имеет подобных чувственно неоспоримых эквивалентов; она “существует”, но как-то по-другому. Вот и “класс” для М.Вебера, в отличие от К.Маркса, — сконструированное сообщество, предельная генерализация, относительно которой вопрос о ее существовании просто некорректен. Несколько десятилетий назад П.Бурдье не менее решительно говорил о “классах на бумаге”.

Дискуссия по поводу “реальности” классов сегодня почти прекратилась и ведется лишь в учебных аудиториях исключительно с дидактическими целями. Она не дала положительных результатов и тогда, когда в нее вовлекались ведущие специалисты структурного анализа — возможно, из-за ее исходной бесплодности, ведь позитивных следствий для организации эмпирической работы или для теоретических размышлений не видно ни в результате предположений о существовании общностей, ни в случае признания их сконструированности. Между тем известно, что подавляющее большинство категорий и общностей, которыми оперируют социологи, получены в ходе простых или сложных вычислений и классификационных процедур, то есть они сконструированы путем селекции признаков и дальнейших калькуляций.

И это обстоятельство уже давно не рассматривают как органичный недостаток исследовательских усилий либо такое ограничение, которое ставит под сомнение их надежность или даже научность. Наоборот, множественность структур свидетельствует лишь о невозможности существования универсальной, самой главной структуры. Что касается общностей (объединений людей), то классы остаются наиболее общими генерализациями, однако это вовсе не означает, что в плане эвристики, объяснительных возможностей они тоже наиболее общие. В действительности эмпирическому уточнению подлежат именно эти возможности, и лишь после такого уточнения достигается корректность оперирования понятием класса как объяснительным конструктом.

Вместе с тем общеизвестно, что существуют — в прямом смысле слова — реальные социальные группы, которые, по мнению отдельных российских социологов, должны быть предметом социально-структурных исследований [26; 27; 28]. Группа реальна тогда, когда объединяет индивидов со схожими экономическими, политическими или духовными потребностями и ценностями, а регуляция поведения внутри группы в соответствии с окружающим миром осуществляется посредством формальных и неформальных норм и санкций, которые, к тому же, поддерживают целостность группы, ее дееспособность, определенный уровень солидарности и самоорганизации [29]. Как отмечает российский социолог Н.Тихонова, “реальные группы выступают субъектами и объектами социальных отношений (власти, эксплуатации и т. п.). Они имеют потребности и интересы, которые можно измерить. У них общие социальные нормы, схожие ценности, взаимная идентификация, подобная мотивация, символы, стиль жизни. Для них характерны самовоспроизводство, отличная от других групп система социальных ценностей” [30].

Позиции & диспозиции. Представление о “социальном пространстве”, введенное в широкое социологическое употребление П.Сорокиным, предполагает существование конечного множества “мест”, дискретных локальностей различного содержания и качества, способных образовывать разные конфигурации путем сгущения или, наоборот, разрежения. К.Дэвис и У.Мур настаивали на “вмонтированности” в такие места, а точнее, позиции, систем материального и символического вознаграждения. Индивиды име-

ют большие или меньшие шансы занять привлекательные для них позиции или оказаться вытесненными на непривлекательные. Этим, однако, не исчерпывается взаимодействие индивида и позиции. Согласно распространенному мнению, люди в той или иной степени чувствуют собственную позицию в социальном пространстве (способны определять ее в терминах “ниже”, “ближе-дальше”, “между” и т. п.), а также могут развивать осознание ограничений и возможностей, присущих их локализации.

Кроме того, с позициями, как утверждает П.Бурдьё, связаны различные виды капитала, которые благодаря своей природе приводят к овеществлению социального пространства, построению разнообразных социальных иерархий с неодинаковым распределением шансов индивидуального контроля локального пространства. Ведь способы перемещения, типы транспорта, размеры жилья в городе или земельных участков в сельской местности в подавляющем большинстве случаев соответствуют позиции индивидов в социальной иерархии. Наконец, приходит к выводу П. Бурдьё, “способность господствовать в присвоенном пространстве, прежде всего за счет присвоения (материальным или символическим путем) тех дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от имеющегося капитала” [31, с. 43]. В результате капиталы инкорпорируются, то есть превращаются в систему личностных качеств, намерений или готовности действовать определенным образом — позиции превращаются в диспозиции.

С понятием инкорпорированного капитала тесно связано содержание и такого важного понятия социологии П.Бурдьё, как габитус, которое происходит от латинского слова *habere* — иметь, обладать. В биологии им обозначают определенную совокупность видовых признаков, свойственных конкретному живому существу. Поискам П.Бурдьё в этом направлении присуще стремление занять определенную промежуточную позицию между структуралистским социологическим реализмом, сводящим социальное действие к его структурным основам, и социологическим номинализмом Веберовского типа, где на первом плане — субъективный смысл действия, направленного на достижение сознательной цели. Он замечает, что понятие габитуса выдуманно им, чтобы лучше уяснить тот парадоксальный факт, что человеческое поведение может быть объективно ориентированным на достижение конкретной цели, не будучи вместе с тем сознательно на нее направленным. Речь идет о поведении, не являющемся четко осознаваемым (рациональным, в понимании М.Вебера), но вместе с тем не являющимся и механически детерминированным. Габитус, согласно Бурдьё, — это определенная система личностных диспозиций, приобретенных в процессе опыта и способных изменяться в зависимости от обстоятельств места и времени. Это некое свойственное людям “чувство игры”, позволяющее им адекватно ориентироваться в океане конкретных жизненных ситуаций, где далеко не все предусмотрено правилами, порой создающимися именно в процессе игры [31, с. 46].

Устойчивые и “эмерджентные” факторы стратификации. П.Блау обратил внимание на то, что в посткоммунистических странах непредвидимо появляются, а значит, и “неожиданно” начинают действовать новоявленные факторы образования новых стратификационных порядков. Свои систематизированные представления по этому поводу он назвал теорией эмерджентности — внезапности появления непривычных критериев социального неравенства [32]. Российский социолог М.Черныш отмечает, что эмерджентные факторы — это “внешние, структуроформирующие признаки, которые в

различные моменты времени могут “вклиниваться” в производство социального неравенства”. В нормальных обстоятельствах они функционируют как независимые переменные и детерминируют другие признаки, характеризующие социальный статус индивидов, больших групп населения. В российском контексте М.Черныш относит к таковым территориальное деление (столичные и провинциальные города), различия между поколениями, вовлеченность в глобальное информационное пространство, в информационные сети [32, с. 82–83]. В.Ядов добавляет к эмерджентным стратификационным порядкам деление на титульные и другие нации, поскольку последние находятся в неравном положении по отношению к титульным, скажем, русские в Чечне и чеченцы в России [33, с. 43].

Таким образом, *существуют* устойчивые (традиционные) стратификационные порядки и *неустойчивые*, эмерджентные, то есть новые (еще не утвердившиеся окончательно) статусоформирующие признаки и практики. Поэтому любые новые иерархии и, соответственно, статусоформирующие практики возникают вследствие материализации усилий социальных субъектов, стремящихся найти для себя новые возможности, приспособиться к новым ограничениям и получить доступ к неожиданно возникшим ресурсам. К эмерджентным статусоформирующим практикам можно отнести стремление приобщиться к новым технологиям, установку на рациональное использование своего времени, активное финансовое поведение, заботу о здоровье и внешнем виде и т. п. По мнению Э.Гидденса, стремясь к ощущению безопасности, “акторы” рационализируют свой мир [34, с. 449], настаивают на легализации эмерджентных практик, на их индивидуальном или общественном признании.

Таким образом, различия в интерпретации некоторых концептуальных представлений относительно социальной стратификации вроде бы придают всей их совокупности явный эклектический характер. Однако не подлежит сомнению и другое — многообразие традиций, подходов, направлений и школ расширяет теоретико-методологическую базу анализа, а также возможности конструирования более совершенных техник исследования. Как отмечает В.Ядов в преамбуле к своей недавней работе, “множественность теоретических подходов — это не ущербность, а богатство социологии” [33]. Последнее как раз и означает, что релевантной стратегией изучения стратификационных порядков становится их многомерный анализ в контексте концептуальной триады “позиции — диспозиции — практики (деятельность)”.

Литература

1. *Макеев С.* Статус классового анализа в современной социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 81–91.
2. *Blau P.* Inequality and Heterogeneity. — N.Y., 1977.
3. *Wright E.O.* Class Structure and Income Determination. — New York; London; Toronto; Sydney; San Francisco, 1979.
4. *Радаев В., Шкаратан О.* Социальная стратификация : Учебное пособие. — М., 1996.
5. *Куценко О.Д.* Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: Попытки западной социологии. — Харьков, 2000.

6. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное. — М., 1996. — Т. 2. — С. 301–465.

7. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Человек и общество: Хрестоматия / Под ред. С.А.Макеева. — К., 1999. — С. 85–107.

8. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 169–183.

9. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.

10. *Weber M.* Economy and Society. — New York, 1968.

11. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. — М., 2005.

12. *Reisman L.* Inequality in American Society: Social Stratification. — Glenview, 1973.

13. *Kraus I.* Stratification. Class and Conflict. — New York, 1976.

14. *Гіденс Е.* Соціологія. — К., 1999.

15. *Дворецька А.В.* Соціологія : Навчальний посібник. — К., 1999.

16. *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. — 1995. — № 6. — С. 14–24.

17. *Уорнер Л.* Социальный класс и социальная структура // Рубеж. — 1997. — № 10–11. — С. 42–57.

18. *Чапская И.* Имущественное положение граждан в трансформирующемся обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3. — С. 63–75.

19. *Макеев С., Оксамитная С., Швачко Е.* Социальные идентификации и идентичности. — К., 1996.

20. *Головаха Е.И.* Изменение социальной структуры и формирование среднего класса в Украине // Социологический журнал. — 1997. — № 4. — С. 37–42.

21. *Бродська С.С., Оксамитна С.М.* Класова самоідентифікація населення України // Наукові записки НаУКМА: Соціологічні науки. — 2001. — Т. 19. — С. 44–49.

22. *Симончук Е.В.* Средний класс: люди и статусы. — К., 2003.

23. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.Макеева. — К., 2003.

24. *Куценко О.Д.* Діяльнісно-структурна парадигма суспільства як системи, що само-розвивається // Проблеми розвитку соціологічної теорії. — К., 2002. — С. 49–66.

25. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М., 2003.

26. *Шкаратан О.И., Сергеев Н.В.* Реальные группы в социальной структуре современной России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И.Заславской. — М., 2000. — С. 253–265.

27. *Шкаратан О.И., Сергеев Н.В.* Реальные группы: концептуальный подход, эмпирическое исследование // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — С. 33–45.

28. *Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е.* Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России. — 1996. — № 1. — С. 94–153.

29. *Сергеев Н. В.* Ранжирование критериев стратификации методом энтропийного анализа. — <http://www.socio.ru/wr/3-02/Sergeew.htm>.

30. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация российского общества: ресурсный подход. — http://hse.ru/temp/2006/04_04-06_conf_texts.shtml.

31. *Бурдые П.* Социология политики. — М., 1993.

32. *Черныш М.Ф.* Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. — М., 2005.

33. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : Курс лекций. — СПб., 2006.

34. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. — СПб., 2002.